

УДК 93: 323.3

ББК 63.3

О.А. ХАБИБРАХМАНОВА

**РЕВОЛЮЦИОННОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА «СВОБОДУ ОБРАЗОВАНИЯ»,
ИЛИ ПРОЛЕТАРСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДИСЦИПЛИН
В 1920-е ГОДЫ: ОТ ЗАМЫСЛОВ ДО РЕАЛИЗАЦИИ**

Ключевые слова: интеллигенция вузов, общественные дисциплины, образование, Казанский университет, Саратовский университет.

В статье исследуются проблемы формирования советского образования в один из самых напряженных периодов советской истории – в 1920-е гг. Изучены особенности политики советской власти в этом направлении. Посредством изучения ряда шагов советской власти в области трансформации учебных вузовских программ дается общая картина масштабных изменений всей системы образования. Внимание в работе сосредоточено на общественных дисциплинах, ставших ключевыми в деле строительства советской системы образования. На примере деятельности двух вузов Поволжья (наиболее крупных на тот момент) – Саратовского государственного университета и Казанского государственного университета – изучены основные причины и принципы введения новых общественных дисциплин. Речь в первую очередь идет о марксистско-ленинских общественных дисциплинах, активно насаждаемых новой властью в образовательные программы вузов страны в целом и вузов Среднего Поволжья в частности. Показан процесс выстраивания социальных институтов, призванных аккумулировать изучение марксистско-ленинских дисциплин в вузах. На основе изучения архивных документов о деятельности названных вузов были реконструированы частные моменты истории, связанные с началом введения и преподавания марксистско-ленинских дисциплин. Акцент сделан на изучении рефлексии профессорско-преподавательских корпораций вузов и их отдельных представителей на происходящие изменения. Отдельные высказывания вузовских преподавателей, их выступления, статьи, их непосредственные социальные практики стали одним из основных источников, позволивших реконструировать отношение вузовской интеллигенции к наводнению марксистско-ленинскими дисциплинами образовательного процесса и к трансформации их профессионального пространства в целом. В работе прослеживаются и методы влияния вузовской интеллигенции на происходящие изменения. Выявлена взаимосвязь между социально-культурными практиками профессоров и преподавателей вузов и результатами преобразований общественных дисциплин. Отмечается, что первоначальные замыслы властей были в значительной степени скорректированы во многом под влиянием профессорско-преподавательских корпораций. В целом в статье определено значение социально-культурных практик вузовской интеллигенции для складывающейся советской системы образования.

Становление советской системы образования, проблемы внедрения новых принципов, методов и методологии привлекали внимание историков разных поколений. Этот интерес обусловлен как радикализмом преобразований, заложившим основы новой/иной системы образования и методами их реализации, так и полученными в ходе масштабного эксперимента результатами. О принципах складывания советской системы образования писали историки как советского [20], так и постсоветского периода [3, 19]. О проблемах влияния преподавателей вузов на происходящие изменения, результатах трансформаций дореволюционного образования писали и современные исследователи [2, 21]. В статье дается попытка выявления тесной связи между социально-культурными практиками преподавателей вузов и результатами масштабных преобразований в области преподавания. Изучение изменений, санкционированных советской властью в области общественных дисциплин,

в этой связи представляется одним из продуктивных методов, позволяющих оценить глубину происходящих процессов.

Как известно, 3 декабря 1920 г. постановлением Совнаркома была образована комиссия для коренного пересмотра преподавания общественных дисциплин, возглавил комиссию Ф.А. Ротштейн. Уже 23 декабря 1920 г. в «Правде» было опубликовано обращение комиссии «К ученым России». В обращении говорилось, что рабоче-крестьянская власть будет определять характер научного преподавания общественных дисциплин во всех государственных учреждениях. «Свобода преподавания» должна быть упразднена, так как необходимо «сократить сознательным вмешательством в область научного исследования и преподавания неизбежный период исканий и шатаний и тем сберечь русскому народу силы и время, нужные ему в самых разнообразных областях нового строительства» [18. С. 117]. Об особенностях момента не один раз говорил и В.И. Ленин. В 1921 г. в работе «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина» эти высказывания сводились к следующим положениям: «... вся человеческая практика должна войти в полное определение "предмета" и как критерий истины, и как практический определитель связи с тем, что нужно человеку. Чтобы овладеть названными знаниями предмета, студенту нужно было обладать конкретными навыками» [16. С. 264]. В целом методология построения новых вузовских программ должна была сводиться к следующему: 1. Высокий теоретический уровень и органическая связь с практикой социалистического строительства. 2. Строго очерченный круг систематических знаний и связь с другими областями научных знаний. 3. Методологическая выдержанность и большевистская партийность. Обеспечивая в программах высокий теоретический уровень знаний, нельзя забывать о необходимости органического сочетания теории с практикой социалистического строительства. Нам нужны такие программы, которые, будучи на высоте современного развития науки и техники, отражают опыт передовых фабрик и заводов, конкретно показывают пути внедрения науки в социалистическое производство». Эта работа на долгие годы стала программным документом в деле реформы вузовских программ.

С этого момента вузовские сообщества, уже испытавшие на себе перипетии политики советской власти в области высшего образования, вступили в очередную полосу трансформаций. Началась реорганизация преподавания общественных дисциплин. Согласно указам мартовского Постановления Совнаркома от 1921 г., во всех вузах страны устанавливался общий научный минимум преподавания общественных дисциплин, обязательный для исполнения во всех вузах. В документе подробнейшим образом излагался план преподавания общественных дисциплин. В программу дисциплины «Исторический материализм» были внесены такие разделы, как «Философия диалектического материализма» и «Учение Маркса об историческом развитии». Курс должен был быть прочитан в 1-м триместре по 1 часу в день. По 2 часа в неделю было отведено дисциплине «Капитализм и пролетарская революция», который был дополнен разделами «Характеристика капитализма», «Противоречия капитализма», «Революция и диктатура» [7. Д. 9. Л. 103]. В июне 1921 г. на Всероссийской конференции высших учебных заведений руководители Наркомпроса еще раз подчеркнули свои намерения о перестройке преподавания общественных дисциплин на базе марксистской теории. По мнению

учредителей съезда, власть будет сама определять содержание общественных наук, изучаемых в высшей школе.

Для более системного реформирования содержания преподавания общественных наук с 1 марта 1921 г. учреждались факультеты общественных наук (ФОНы), которые, согласно постановлению Совнаркома, «имеют своей задачей создание кадров научно-подготовленных практических работников социалистического строительства» [17. С. 176]. ФОНы должны были готовить работников для государственного социалистического строительства, учителей, лекторов-внешкольников. Все учебные планы факультетов общественных наук строились на основе теории и методологии марксизма.

Коренная перестройка вузов началась и в Среднем Поволжье. В Казанском и Саратовском университетах реконструкции были подвергнуты два гуманитарных факультета – историко-филологический и юридический. В Казани в первый учебный год после революции (1917–1918 гг.) историко-филологический факультет продолжал свою учебную работу еще по старым учебным программам и планам и без существенных изменений в своем преподавательском составе. Но уже в 1918/19 учебном году он подвергся коренному переустройству, а позднее в 1921 г. был закрыт со следующей мотивировкой: «Дальнейшая перестройка факультетской системы, в связи с развертыванием социалистического строительства и с выдвинутыми ими задачами, показала непригодность существовавшего историко-филологического факультета для решения этих задач» [13. С. 64]. В марте 1919 г. постановлением Наркомпроса были закрыты юридические факультеты и в Казани, и в Саратове. В постановлении Наркомпроса, в частности, отмечалось: «Ввиду совершенной устарелости учебных планов юридических факультетов ..., а также полного несоответствия этих планов как требованиям научной методологии, так и потребностям советских учреждений в высококвалифицированных рабочих ... юридические факультеты упраздняются» [14. С. 328]. В 1919 г. были открыты факультеты общественных наук. 1 марта 1921 г. был ликвидирован и влит в состав факультета общественных наук историко-филологический факультет Казанского университета. Факультет в составе Казанского университета просуществовал недолго: в августе 1922 г. ФОН был ликвидирован, а все его кадры переведены в Восточно-педагогический институт, где готовили учителей истории и обществознания. Только через 17 лет после закрытия ФОНа, в 1939 г., в КГУ был возрожден историко-филологический факультет (чуть раньше, в 1935 г. историко-филологический факультет был восстановлен в Саратовском университете). С 1928/29 учебного года в составе Казанского университета открылся факультет советского права, таким образом, прекратившееся в 1922 г. преподавание юридических дисциплин было восстановлено, но уже в новом качестве и на новой основе.

В фонде «Казанский педагогический институт» сохранилась записка неизвестного, датированная 1920 г., в которой автор рассуждает о высшей школе. Уже с первых строк автор высказывает свое негативное отношение к происходящим изменениям: «Смутно представлять себе, что должно быть построено на месте разрушенного, и звать к разрушению – не значит ли звать к разрушению ради разрушения? И не следует ли предварительно договориться, что именно нужно и можно построить на месте предложенного к разрушению здания?». Автор недоумевает: «Что такое “новые методы препода-

вания” в высшей школе, и можно ли, хотя бы теоретически, представить какие-либо новые методы преподавания?». В заключение преподаватель делает неутешительный вывод: «Иного выхода нет, и слишком страстное стремление к разрушению приведет к тому, что на месте прекрасного, все же прекрасного, хотя, может быть, местами и обветшалого храма науки будут годами стоять постепенно распадающиеся руины» [12. Д. 17. Л. 80].

Наводнение вузовских программ марксистско-ленинскими дисциплинами, их политизация резко контрастировали с представлениями вузовской интеллигенции об образовательном процессе. Нередко возмущение преподавателей против вводимых марксистско-ленинских дисциплин звучало прямо с кафедры во время лекции. Будучи студентом Казанского университета, М.К. Корбут вспоминал, что на ФОН, где он учился, «... в июне 1921 г. один из видных профессоров в своих лекциях до изложения теории К. Маркса сказал приблизительно следующее: «Гегель был величайший шарлатан, его диалектический метод – ненаучный, ничего общего с наукой не имеющий. Читай “Капитал” Маркса, я думал: “или я сумасшедший, или Маркс – дурак”, ... в заключение заявил, что учение Маркса читать не будет, так как не считает его научным» [15. С. 19].

Профессор Казанского университета И.А. Дюков о том непросто периоде озабоченно писал: «Свободный прием в число студентов всех желающих без обязательного предоставления аттестата об окончании средней школы резко изменил состав студенчества, как со стороны количества, так и со стороны качества и классовой принадлежности, так и в отношении их подготовленности к прохождению университетского курса. Приходилось перестраивать коренным образом всю систему преподавания: и учебные планы, и учебные программы, и методы преподавания, словом, всю учебно-организационную жизнь факультета» [13. С. 63].

Переоценить прежние идеалы, а тем более реализовать в образовательном процессе советские ценности готовы были не все. Многие преподаватели выступали с критикой советских методов преподавания, вставали на защиту «рационально поставленного образования», в основе которого главная ценность – научные знания, а не идеологические посылы. Профессор А.А. Юницкий в 1924 г. с возмущением писал: «Методы преподавания [...] не совсем отвечают тем требованиям, которым должно удовлетворять рационально поставленное преподавание». Профессор настаивает: «Я позволю себе указать на ту методику, которую я считаю правильной и долженствующей быть положенной в основании преподавания [...]» [10. Д. 35. Л. 6]. Крайне негативно новую систему преподавания оценивали саратовские ученые. Например, ознакомившись с новыми учебными программами, профессор математики Саратовского университета Г.Н. Свешников заявил, что он не станет ставить свою подпись в зачетках студентов и «быть ответственным перед обществом за знания студентов» [6. Д. 12. Л. 4].

Вместе с тем разработка новых учебных программ была возложена на профессорско-преподавательские коллективы вузов. Так, работавший в Казанском университете историк А.О. Маковельский, следуя требованиям администрации, разработал курс лекций по «Истории социалистических учений». Н.Н. Фирсов предложил новые курсы: «История освободительного и рабочего движения в России XIX века» и «Формы рабочего движения» [1. С. 168]. Правда, как свидетельствуют документы, под внешним весьма

«пролетарским» названием предложенных дисциплин скрывалось «буржуазное содержание». На собраниях партийных ячеек вузов часто говорили о реакционности, низкой квалификации профессорско-преподавательского состава: «О марксистском обосновании ни один преподаватель не говорит. [...] Состав очень плох, некоторых надо гнать. Фирсов – народоволец, в своих лекциях о революции не обращает внимания на рабочий класс, а базируется исключительно на крестьянах и после каждой лекции проповедует “идите в народ”. А.М. Винавер не считается с запросами студенчества в отношении методики преподавания, нет марксистского подхода» [8. Д. 13. Л. 119].

Планы властей по стремительной пролетаризации учебных программ оказались на грани срыва. Документы, датированные концом 1920-х – началом 1930-х гг., свидетельствуют о непростой ситуации. В 1925 г. на одном из совещаний преподаватели-коммунисты отмечали, что профессура крайне неохотно идет на исправление старых учебных планов, тормозит введение новшеств, самоустраняется от практических занятий [5. Д. 100. Л. 2]. Обследование физико-математического факультета Казанского университета показало, что: «существуют еще кабинеты, где ведется устаревший метод преподавания, что отталкивает студенчество. Преподавательская часть находится под давлением профессуры, с их стороны по отношению к реформе замечается недоброжелательное отношение ...» [8. Д. 2. Л. 68]. В Саратовском университете «профессор Любомиров отрицательно относится к Марксу», а многие ученые «марксистуют курсы механически» [4. Д. 768. Л. 33]. В 1927 г. администрация Казанского университета вынуждена была отменить переводные экзамены по всем политическим предметам. Профессорско-преподавательский коллектив университета категорически отказался принимать по ним экзамены. В 1931 г. на одном из закрытых заседаний партколлектива Саратовского педагогического института отмечалось, что «профессорско-преподавательский состав идеологически перестраивается недостаточно. В программе профессора В. Ливановича прослеживается момент сотрудничества классов, вульгаризация материала ...» [6. Д. 10. Л. 24].

Очередная «переработка» учебных планов и программ началась в 1933 г. И вновь ученые включились в «перекройку» учебных курсов и программ, кто-то в надежде на позитивные изменения, кто-то искренне веря в дело строительства нового общества. Состав бригад по изменению учебных программ определялся, как правило, ректором. В состав бригады Казанского университета вошли «ведущие профессора и преподаватели, работавшие в области математики и механики, физики, химии, биологии, экономических дисциплин, диамата, ленинизма, педагогики ...» [11. Д. 195. Л. 151]. Но, как свидетельствуют документы, преподавательские бригады часто игнорировали установки властей, выстраивали учебные программы сообразно своим представлениям об учебном процессе. В 1935 г., оценив новые учебные программы, власти пришли к выводам: «Согласно документам кафедр и деканатов, они как будто достаточно занимались вопросами переработки полученных из Москвы программ. Но здесь нет фактов коренного и принципиального изменения или хотя бы частичного забраковывания их на основе серьезного и глубокого критического анализа. Особенно с точки зрения выдержанности марксистско-ленинской методологии и, особенно, с точки зрения борьбы за партийность науки. Разборы этих программ заключали в себе общие замечания». В резюме документа власти признают: «Научными работниками университета

не разрешены вопросы перестройки содержания и направления научной работы на основе марксистско-ленинской идеологии, мало делается в смысле освещения конкретного материала в свете марксистско-ленинской философии, что неизбежно понижает идейно-политический уровень научно-учебной работы» [9. Д. 3210. Л. 7].

Выстраивание учебного процесса на основе марксистско-ленинского учения привело к деформации системы преподавания. Наука как самоценность уходила на второй план, уровень профессионализма ученого все чаще оценивали по успешности использования марксистско-ленинской идеологии. Вместе с тем заметную роль в жизни вузов продолжали играть профессора и преподаватели, придерживающиеся дореволюционных методов работы. Их действия оказывали непосредственное влияние на происходящие изменения и приводили не только к корректировке учебных программ, но и к отмене ряда решений советской власти, наиболее уродующих систему образования.

Литература

1. Бикташева А.Н. Вместо императорского – государственный / под общ. ред. И.П. Ермолаева // Очерки истории Казанского университета. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. 373 с.
2. Будник Г.А. Высшая школа и интеллигенция: советский воспитательный и образовательный эксперимент. 1945–1985 годы. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 249 с.
3. Волков В.С. К научной концепции истории советской интеллигенции // В поисках исторической истины: сб. науч. ст. Л.: Лениздат., 1990. С. 48–65.
4. Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф.Р. 27. Оп. 4.
5. Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф.Р. 35. Оп. 1.
6. Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф.Р. 92. Оп. 1.
7. Государственный архив Республики Татарстан. Ф.Р. 262. Оп. 1.
8. Государственный архив Республики Татарстан. Ф.Р. 624. Оп. 1а.
9. Государственный архив Республики Татарстан. Ф.Р. 732. Оп. 1.
10. Государственный архив Республики Татарстан. Ф.Р. 926. Оп. 1.
11. Государственный архив Республики Татарстан. Ф.Р. 1199. Оп. 1.
12. Государственный архив Республики Татарстан. Ф.Р. 1487. Оп. 1.
13. Дюков И.А. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина в 1917–1946 гг. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1947. 123 с.
14. Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет 1804/05–1929/1930: в 2 т. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1930. Т. 2. 384 с.
15. Корбут М.К. Рабочие факультеты и высшая школа. Пять лет рабочего факультета им. В.И. Ульянова-Ленина: 1919–1924. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1924. 124 с.
16. Ленин В.И. Ещё раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина // Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1970. Т. 42. С. 264–304.
17. О плане организации факультетов общественных наук Российских университетов. Декрет Совета Народных Комиссаров // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г., статья № 117, отдел первый. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1944. 1207 с.
18. Сафразьян Н.Л. Борьба КПСС за строительство советской высшей школы (1921–1927). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 158 с.
19. Соскин В.А. Оценка исторического пути советской интеллигенции в свете современного кризиса социализма // Интеллигенция в системе социально-классовой структуры советского общества: сб. науч. ст. Кемерово: НГУ, 1991. С. 5–36.
20. Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М.: Наука, 1972. 471 с.
21. Фролкин П.П. Развитие вузовской науки и кадрового потенциала высшей школы (середина 80-х – 90-е годы). Саратов: СГУ, 2000. 218 с.

ХАБИБРАХМАНОВА ОЛЬГА АРКАДЬЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социологии, Казанский государственный медицинский университет, Россия, Казань (Olgaah@yandex.ru).

Olga A. HABIBRAHMANOVA

THE REVOLUTIONARY ATTACK ON "FREEDOM OF EDUCATION",
OR THE PROLETARIAN READING OF SOCIAL DISCIPLINES
IN THE 1920S: FROM CONCEPTION TO IMPLEMENTATION

Key words: university intelligentsia, social disciplines, education, Kazan University, Saratov University.

The article examines the problems of the Soviet education formation in one of the most troubled periods of the Soviet history – in the 1920s. The features of the policy of the Soviet government in this direction are studied. Through the study of a number of steps taken by the Soviet government in the field of university curricula transformation, a general picture of large-scale changes in the entire educational system is given. The work focuses on social disciplines that became key ones in creating the Soviet educational system. On the example of the activities performed by two universities in the Volga region (the largest at that time) – Saratov State University and Kazan State University – the main reasons and principles of introducing new social disciplines are studied. What it involves first is Marxist-Leninist social disciplines, which are actively implanted by the new government in the educational programs of the country's universities in general and the universities of the Middle Volga Region in particular. The process of building social institutions designed to accumulate the study of Marxist-Leninist disciplines in universities is shown. On the basis of examining the archival documents reflecting the activities of these universities, particular moments of history associated with the beginning of the introduction and teaching Marxist-Leninist disciplines were reconstructed. The emphasis is placed on studying the reflection of the higher-education teaching personnel and their individual representatives on the ongoing changes. Individual statements of university teachers, their speeches, articles, and their direct social practices became one of the main sources that made it possible to reconstruct the attitude of the university intelligentsia to the flooding of the educational process with Marxist-Leninist disciplines and to the transformation of their professional space as a whole. The paper also traces the methods of the university intelligentsia's influencing the ongoing changes. The interconnection between the socio-cultural practices of university professors and lecturers and the results of social disciplines transformations is revealed. It is noted that the initial plans of the authorities were largely adjusted, largely under the influence of the higher-education teaching personnel. In general, the article defines the significance of socio-cultural practices of the university intelligentsia for the emerging Soviet educational system.

References

1. Biktasheva A.N. *Vmesto imperatorskogo – gosudarstvennyi* [Instead of imperial – state]. Kazan, Kazan University Publ., 2002, 373 p.
2. Budnik G.A. *Vyshshaya shkola i intelligenciya: sovetskii vospitatel'nyi i obrazovatel'nyi eksperiment. 1945–1985 gody* [The higher school and intelligency: the Soviet educational and educational experiment. 1945–1985]. Ivanovo, 2003, 249 p.
3. Volkov B.C. *K nauchnoi koncepcii istorii sovetskoi intelligencii* [To the scientific concept of a history of the Soviet intelligency]. In: *V poiskah istoricheskoi istiny* [In Search of Historical Truth]. Leningrad, 1990, pp. 48–65.
4. *Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Saratovskoi oblasti. Fond 27. Opis'4* [The State Archive of the newest history of the Saratov area. Archives 27. Anagraph 4].
5. *Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Saratovskoi oblasti. Fond 35. Opis'1* [The State Archive of the newest history of the Saratov area. Archives 35. Anagraph 1].
6. *Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Saratovskoi oblasti. Fond 92. Opis'1* [The State Archive of the newest history of the Saratov area. Archives 92. Anagraph 1].
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 262. Opis'1* [The State Archives of the Tatar Republic. Archives 262. Anagraph 1].
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 624. Opis'1a* [The State Archives of the Tatar Republic. Archives 624. Anagraph 1a].
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 732. Opis'1* [The State Archives of the Tatar Republic. Archives 732. Anagraph 1].
10. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 926. Opis'1* [The State Archives of the Tatar Republic. Archives 926. Anagraph 1].
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 1199. Opis'1* [The State Archives of the Tatar Republic. Archives 1199. Anagraph 1].

12. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 1487. Opis'1 [The State Archives of the Tatar Republic. Archives 1487. Anagraph 1].
13. Dyukov I.A. *Kazanskii gosudarstvennyi universitet im. V.I. Ul'yanova-Lenina v 1917–1946 gg.* [The Kazan state university him V.I. Uljanova-Lenina in 1917–1946]. Kazan: KGU, 1947, 123 p.
14. Korbut M.K. *Kazanskii gosudarstvennyi universitet imeni V.I. Ul'yanova-Lenina za 125 let 1804/05–1929/1930* [The Kazan state university of a name of V.I. Ulyanova-Lenina for 125 years 1804/05-1929/1930]. Kazan, Kazan University Publ., 1930, vol. 2, 384 p.
15. Korbut M.K. *Rabochie fakul'tety i vysshaya shkola. Pyat' let rabocheho fakul'teta im. V.I. Ul'yanova-Lenina: 1919–1924* [Working faculties and the higher school. Five years of working faculty him V.I. Ulyanova-Lenina: 1919–1924]. Kazan, Kazan University Publ., 1924, 124 p.
16. Lenin V. I. *Eshchyo raz o profsoyuzakh, o tekushchem momente i ob oshibkakh tt. Trockogo i Bukharina* [Once again about trade unions, about a present situation and about mistakes Троцкого and Buharin]. Moscow, Nauka Publ., 1970, vol. 55, pp. 264–304.
17. *O plane organizacii fakul'tetov obshchestvennykh nauk Rossiiskikh universitetov. Dekret Soveta Narodnykh Komissarov* [About the plan of the organization of faculties of social studies of the Russian universities. The decree of Advice of National Commissioners]. In: *Sobranie zakonov i rasporyazhenii pravitel'stva za 1921 g., stat'ya № 117, otdel pervyi* [The 1921 Assembly of Government Regulations, Article 117, Division One]. Moscow, 1944, 1207 p.
18. *Safraz'yan N. L. Bor'ba KPSS za stroitel'stvo sovet'skoi vysshei shkoly (1921–1927)* [Struggle of the CPSU for construction of the Soviet higher school (1921–1927)]. Moscow, 1977, 158 p.
19. Soskin V. A. *Ocenka istoricheskogo puti sovetskoii intelligencii v svete sovremennogo krizisa socializma* [Estimation of a historical way of the Soviet intelligency in view of modern crisis of socialism]. In: *Intelligenciya v sisteme social'no-klassovoj struktury sovetskogo obshchestva* [Intelligentsia in the system of social-class structure of Soviet society]. Kemerovo, 1991, pp. 5–36.
20. Fedyukin S.A. *Velikii Oktyabr' i intelligenciya. Iz istorii vovlecheniya staroi intelligencii v stroitel'stvo socializma* [Great October and intelligency. From a history of involving of old intelligency in construction of socialism]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 471 p.
21. Frolkin P. P. *Razvitie vuzovskoi nauki i kadrovogo potentsiala vysshei shkoly (seredina 80-kh – 90-e gody)*. [Development of a high school science and personnel potential of the higher school (the middle 80 – 90th years)]. Saratov, 2000, 218 p.

OLGA A. HABIBRAHMANOVA – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, History, Philosophy and Sociology Department, Kazan State Medical University, Russia, Kazan (Olgaah@yandex.ru).

Формат цитирования: Хабибрахманова О.А. Революционное наступление на «свободу образования», или Пролетарское прочтение общественных дисциплин в 1920-е годы: от замыслов до реализации // Вестник Чувашского университета. – 2021. – № 2. – С. 212–219. DOI: 10.47026/1810-1909-2021-2-212-219.